

Айзек
АЗИМОВ

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Я, РОБОТ

Все о роботах и роботемике

Рассказы о роботах

Айзек АЗИМОВ

Двухсотлетний человек

«Public Domain»

1976

АЗИМОВ А.

Двухсотлетний человек / А. Азимов — «Public Domain»,
1976 — (Рассказы о роботах)

Робот был создан компанией «Ю. С. Роботс» под серийным номером NDR и продан семье Мартинов, где Маленькая Мисс, назвала его Энди. Вскоре обнаружилось, что робот имеет талант к творчеству...

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	9
5	11
6	12
7	13
8	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Айзек Азимов

Двухсотлетний человек

1

– Благодарю вас, – сказал Эндрю Мартин и опустился на предложенный стул. По его виду никто не догадался бы, что он дошел до последней черты. Однако это было так.

Впрочем, его вид вообще ни о чем не говорил, так как лицо у него была сама невозмутимость, если не считать печали, словно затаившейся в глазах. Светло-каштановые волосы лежали ровной красивой волной, щеки и подбородок выглядели так, словно он только что тщательно побрился. В бесспорно старомодной одежде преобладали пурпурно-фиолетовые тона.

За столом перед ним сидел хирург. Серия цифр и букв на вделанной в стол табличке сообщала о нем все необходимые данные, но Эндрю бросил на табличку лишь беглый взгляд. Все равно, обращение «доктор» оставалось наиболее уместным.

– Как скоро может быть совершена эта операция, доктор? – спросил он.

Хирург сказал негромко с той неизменной нотой уважения а голосе, с какой любой робот обращался к любому человеку:

– Я не вполне понял, сэр, кто и каким образом должен подвергнуться этой операции. – Лицо хирурга могло бы выразить почтительную непреклонность, если бы робот его типа из нержавеющей стали с легким бронзовым отливом был способен выразить ее или вообще хоть что-то.

Эндрю Мартин разглядывал правую руку робота, его оперирующую руку, которая лежала на столе в спокойной неподвижности. Длинные пальцы обладали сложной, но изящной формой, и с удивительной легкостью могли стать единым целым со скальпелем или другим инструментом.

Он будет оперировать без колебаний и промахов, без сомнений и ошибок. Результат специализации, которой люди добивались с таким упорством, что теперь роботы за редким исключением вообще не снабжались независимо мыслящим мозгом.

К исключениям, естественно, относились хирурги. Но этот, хотя и обладал мозгом, мыслил настолько узко, что не узнал Эндрю, а возможно, вообще никогда о нем не слышал.

– Вы никогда не думали о том, что хотели бы родиться человеком? – спросил Эндрю.

Хирург помолчал, словно вопрос не укладывался в позитронные цепи его мозга.

– Но ведь я робот, – ответил он неуверенно.

– Однако быть человеком предпочтительнее, не так ли?

– Предпочтительнее, сэр, быть более хорошим хирургом. Будучи человеком, я этого достигнуть не мог бы. И я хотел бы быть роботом новейшей модели.

– И вас не оскорбляет, что я могу вами распоряжаться? Заставить встать, сесть, пойти налево или направо, всего лишь отдав такое приказание?

– Повиноваться вам, сэр, мне приятно. Если ваши приказы помешают мне функционировать с наибольшей пользой для вас или любого другого человека, я их не выполню. Первый Закон, определяющий мой долг в отношении человеческой безопасности, превалирует над Вторым Законом, требующим повиновения. А во всем остальном повиноваться для меня удовольствие... Но кого я должен оперировать?

– Меня, – ответил Эндрю.

– Невозможно. Операция заведомо вредна. Я не могу причинять вред, – сказал хирург.

– Человеку, – возразил Эндрю. – Но я тоже робот.

2

Когда Эндрю был только-только... изготовлен, он заметно больше походил на робота. Внешность его была внешностью общей для всех когда-либо сконструированных и безупречно функциональных роботов.

Он отлично показал себя в доме, куда его доставили в те дни, когда роботы не только в частных домах, но и на всей планете были еще огромной редкостью.

В доме обитали четверо: Сэр, Мэм, Мисс и Крошка-Мисс. Конечно, он знал их имена, но вслух никогда не произносил. Сэра звали Джералд Мартин.

Серия его была НДР, а номер он забыл. Конечно, с той поры прошло много лет, но, естественно, он не смог бы забыть цифры, если бы хотел их помнить.

Эндрю его первой назвала Крошке-Мисс, потому что еще не умела читать буквенные обозначения. Остальные последовали ее примеру.

Крошка-Мисс... Она дожила до девяноста лет и умерла уже давно. Как-то раз он попытался назвать ее Мэм, но она не позволила и осталась Крошкой-Мисс до конца своих дней.

Эндрю был запрограммирован как камердинер, дворецкий и горничная.

Для Эндрю это был испытательный период, как и для всех роботов везде, кроме промышленных предприятий и опытных станций вне пределов Земли.

Мартинам он доставлял массу удовольствия и часто не успевал исполнять свои прямые обязанности, потому что Мисс и Крошка-Мисс требовали, чтобы он играл с ними.

Мисс первая сообразила, как можно это устроить. Она сказала:

– Мы приказываем тебе играть с нами, а ты обязан выполнять приказы.

– Простите, Мисс, – возразил Эндрю, – но предшествующее приказание Сэра обладает большей силой.

И тут она объявила:

– Папа просто сказал, что было бы не дурно, если бы ты занялся уборкой. Какой же это приказ? А я тебе *приказываю!*

Сэр не возражал. Сэр любил Мисс и Крошку-Мисс даже больше, чем их любила Мэм. Эндрю тоже их любил. Во всяком случае их влияние на его действия было таким, какое у человека было бы названо влиянием любви. И Эндрю называл это любовью за неимением более подходящего термина.

А деревянный кулон Эндрю вырезал для Крошки-Мисс. Она ему приказала. Мисс, насколько он понял, на день рождения подарили кулон, вырезанный из слоновой кости в форме витой раковинки. И Крошка-Мисс очень огорчилась: ей хотелось такой же. У нее нашелся только кусочек дерева, и она принесла его Эндрю вместе с кухонным ножичком.

Он вырезал очень быстро, а Крошка-Мисс сказала:

– Эндрю! Какой красивый. Я покажу его папочке. Сэр не поверил.

– Откуда он у тебя, Мэнди?

Крошку-Мисс он называл Мэнди. И когда убедился, что она говорит правду, то повернулся к Эндрю.

– Это ты вырезал, Эндрю?

– Да, сэр.

– И форму придумал сам?

– Да, сэр.

– С чего ты скопировал эту форму?

– Я выбрал геометрическую фигуру, сэр, отвечающую текстуре древесины.

На следующий день Сэр принес ему новый кусок дерева – побольше – и электрический вибронож. Он сказал:

– Изготовь из этого что-нибудь, Эндрю, А что – реши сам.

Эндрю так и сделал. Сэр смотрел, как он работает, а потом долгое время рассматривал изделие. С тех пор Эндрю уже не прислуживал за столом. Вместо этого ему было приказано читать книги об изготовлении мебели, и он научился делать всякие столы и бюро.

Сэр сказал:

– Это изумительные изделия, Эндрю.

А Эндрю ответил:

– Я наслаждаюсь, делая их, сэр.

– Наслаждаешься?

– Когда я их делаю, сэр, связи у меня в мозгу возбуждаются по-особенному. Я слышал, как вы употребляли слово «наслаждаться». Тот смысл, который вы в него вкладываете, соответствует тому, что ощущаю я. Делая их, я наслаждаюсь, сэр.

3

Джералд Мартин поехал с Эндрю в региональный филиал «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн». Сэра, члена Регионального законодательного собрания, старший робо-психолог принял немедленно. Собственно говоря, именно положение конгрессмена давало ему право иметь робота – в те первые дни, когда роботы были редкостью.

Тогда Эндрю еще ничего этого не понимал, но впоследствии, расширив сферу своих познаний, он мысленно воспроизвел эту сцену и увидел ее в надлежащем свете.

Мертон Мэнски, робо-психолог, слушал, все больше хмурился и не раз чуть было не принимался барабанить по столу. Лицо у него было испитое, лоб в глубоких складках, и, возможно, он выглядел старше своих лет.

– Создание роботов, мистер Мартин, – сказал он, – это не точное искусство. Яснее мне объяснить трудно, однако математические формулы, определяющие системы позитронных связей, чрезвычайно сложны и позволяют находить лишь приблизительные решения. Естественно, Три Закона непререкаемы, поскольку мы во всем исходим из них. Разумеется, вашего робота мы заменим...

– Ни в коем случае, – сказал Сэр. – Речь ведь не о неполадках. Свои прямые обязанности он выполняет безупречно. Но кроме того он изумительно режет по дереву, никогда не повторяясь. Он создает произведения искусства.

– Странно! – Мэнски словно бы растерялся. – Конечно, в настоящее время мы стремимся делать связи более общими... По-вашему, это истинное творчество?

– Судите сами. – Сэр протянул ему деревянный шарик с изображением площадки для игр. Фигурки детей были такими мелкими, что их не сразу удавалось различить, и в то же время они обладали поразительной пропорциональностью и настолько гармонировали с древесным рисунком, что и он казался вырезанным.

– Это его работа? – сказал Мэнски, возвращая шарик и покачивая головой. – Счастливая случайность. Что-то в расположении связей...

– А повторить вы сумеете?

– Скорее всего нет. Ни о чем подобном еще ни разу не сообщалось.

– Отлично, Я рад, что Эндрю – единственный в своем роде.

Мэнски сказал:

– Полагаю, компания охотно взяла бы вашего робота для изучения.

Сэр ответил с неожиданной мрачностью:

– Ничего не выйдет. И думать забудьте. – Он обернулся к Эндрю. – Едем домой.

– Как вам угодно, сэр, – ответил Эндрю.

4

Мисс назначала свидания мальчикам и редко бывала дома. Теперь мир Эндрю сосредотачивался вокруг Крошки-Мисс – уже далеко не крошки. Но она не забывала, что первое свое изделие он вырезал для нее – деревянный кулончик на серебряной цепочке, который она всегда носила на шее.

И это она первая воспротивилась манере Сэра раздаривать его изделия. Она сказала:

– Знаешь, папа, пусть те, кому они нравятся, платят за них. Они ведь стоят недешево.

– Давно ли ты стала корыстолюбивой, Мэнди? – спросил Сэр.

– Деньги пойдут не нам, папа, а художнику.

Эндрю никогда раньше не слышал этого слова и, когда у него выдалась свободная минута, посмотрел его значение в толковом словаре. А потом они с Сэром снова поехали. На этот раз к адвокату Сэра.

Сэр сказал адвокату.

– Что вы о ней думаете, Джон?

Адвоката звали Джон Фейнголд. У него были белые волосы и пухлый живот, а по краям его контактных линз шел ярко-зеленый ободок. Он посмотрел на резную дощечку, которую протянул ему Сэр.

– Очень красиво... Но я уже слышал новость. Ее вырезал ваш робот. Тот, который с вами здесь.

– Да, это работа Эндрю. Верно, Эндрю?

– Да, сэр, – сказал Эндрю.

– Сколько бы вы заплатили за нее, Джон?

– Право, не знаю. В таких вещах я не знаток.

– А вы поверите, что мне за эту вещицу предлагали двести пятьдесят долларов? Стулья Эндрю раскупались по пятьсот. В банке лежат двести тысяч долларов, вырученных за изделия Эндрю.

– Боже мой! Он сделает вас богачом, Джералд!

– Наполовину, – сказал Сэр. – Вторая половина положена на имя Эндрю Мартина.

– Робота?

– Вот именно. И я хочу знать, законно ли это.

– Законно ли? – Фейнголд откинулся на спинку скрипнувшего кресла. – Прецедентов не существует, Джералд. Но как ваш робот подписал необходимые документы?

– Он умеет писать свое имя. И я отвез образец его подписи в банк. Самого его я туда брать не стал. Можно ли сделать еще что-то?

– Хм-м... – Фейнголд завел глаза вверх, потом сказал: – Можно учредить опеку для ведения всех его финансовых дел, обеспечив таким образом защитный слой между ним и враждебным миром. А в остальном советую вам больше ничего не предпринимать. Пока ведь никто вам не препятствует. Если у кого-нибудь возникнут возражения, пусть он вчиняет иск.

– И вы возьметесь вести дело, если такой иск вчинят?

– Разумеется. За соответствующий гонорар.

– Какой?

– Вот в таком духе. – И Фейнголд кивнул на дощечку.

– Вполне честно! – Сэр кивнул.

Фейнголд со смешком обернулся к роботу.

– Эндрю, ты доволен, что у тебя есть деньги?

– Да, сэр.

– И что же ты думаешь с ними делать?

– Платить за все то, за что иначе пришлось бы платить Сэру. Это сократит его расходы, сэр.

5

Случаев представилось много. Ремонт обошелся дорого, а переделки еще дороже. С годами появлялись все новые модели роботов, и Сэр следил, чтобы Эндрю извлекал пользу из всех усовершенствований, пока он не стал металлическим шедевром. Оплачивалось это из средств Эндрю. На этом настаивал он.

Только его позитронные связи сохранялись в неприкосновенности. На этом настаивал Сэр.

– Новые роботы хуже тебя, Эндрю, – сказал он. – Они никуда не годны. Компания научилась делать связи точными – от сих до сих, единообразно и однозначно. Новые роботы стабильны. Они делают то, для чего сконструированы, и не отклоняются ни на йоту. Ты мне нравишься больше!

– Благодарю вас, сэр.

– И это все из-за тебя, Эндрю, не забывай. Я убежден, что Мэнски прекратил работу над общими связями, как только хорошенько на тебя поглядел. Непредсказуемость его не устраивала... Знаешь, сколько раз он требовал тебя, чтобы подвергнуть изучению? Девять! Но я не допустил, чтобы ты попал к нему в лапы, а теперь, когда он ушел на пенсию, может быть, мы вздохнем свободнее.

Волосы Сэра поседели, поредели, лицо обрюзгло, но Эндрю выглядел даже лучше, чем в те дни, когда только появился в доме.

Мэм жила теперь в Европе в какой-то колонии художников. Мисс была поэтом в Нью-Йорке. Они писали, но очень редко, Крошка-Мисс вышла замуж, но поселилась неподалеку. Она говорила, что не хочет расставаться с Эндрю, и когда родился ее сын, Крошка-Сэр, она позволила Эндрю кормить его из бутылочки.

Рождение внука, казалось Эндрю, должно было возместить Сэру потерю тех, кто уехал и не возвращался. И, значит, уже не будет нечестно обратиться к нему с просьбой.

Эндрю сказал:

– Сэр, вы очень добры, что разрешали мне тратить деньги, как я хотел.

– Это были твои деньги, Эндрю.

– Только благодаря вашей доброй воле, сэр. Я не думаю, что закон воспрепятствовал бы вам оставить их все себе.

– Закон не заставит меня поступить непорядочно, Эндрю.

– После уплаты всех долгов и всех налогов, сэр, у меня в банке все равно накопилось без малого шестьсот тысяч долларов.

– Знаю, Эндрю.

– Я хочу отдать их вам.

– Я их не возьму, Эндрю.

– Но я хочу отдать их в обмен на что-то, чего, кроме вас, сэр, мне никто дать не может.

– А! И что же это, Эндрю?

– Моя свобода, сэр.

– Твоя...

– Я хочу купить свою свободу, сэр.

6

Это было не так просто. Услышав про свободу, Сэр покраснел, сказал «О, Господи!», повернулся на каблуках и вышел.

Убедить его смогла Крошка-Мисс. Говорила она резко, сердито – и в присутствии Эндрю. В течение тридцати лет в присутствии Эндрю говорили и о нем, и о чем угодно еще. Он ведь был всего лишь робот.

Крошка-Мисс сказала:

– Папа, но почему ты воспринимаешь это как личное оскорбление? Эндрю останется здесь по-прежнему. И будет по-прежнему предан нам. Он не может иначе. Это запрограммировано в нем. И хочет он только словесного изменения. Он хочет, чтобы его называли свободным. Что здесь ужасного? Неужели он этого не заслужил? Боже мой, мы с ним обсуждали это уже годы и годы!

– Ах, обсуждали!

– Да. Но он все откладывал и откладывал, боясь тебя огорчить. Это я заставила его!

– Он не имеет понятия о свободе, Он робот.

– Папа, ты его не знаешь. Он прочел все книги в нашей библиотеке. Я не знаю, что он ощущает внутри, но ведь я не знаю, что и ты ощущаешь в душе. Попробуй поговорить с ним, и ты убедишься, что самые различные абстрактные понятия он воспринимает как ты и я, а что еще имеет значение? Если кто-то воспринимает мир, как ты сам, то чего еще можно требовать?

– Закон не признает такой предпосылки, – гневно бросил Сэр. – Эй ты! – Он обернулся к Эндрю, и голос у него стал скрежещущим. – Сделать тебя свободным я могу, только оформив это юридически после постановления суда. Но никакой суд не только свободным тебя не признает, но и официально установит наличие у тебя денег, и тебе объяснят, что права иметь свой заработок у робота нет. Неужели ты готов лишиться своих денег из-за подобной чепухи?

– Свобода не имеет цены, сэр, – сказал Эндрю. – Даже минимальный шанс получить свободу стоит всех этих денег.

7

Суд также мог встать на точку зрения, что свобода не имеет цены и, следовательно, ни за какую, даже самую большую, цену робот не может купить свободу.

Окружной прокурор, разделяя мнение тех, кто возражал против предоставления свободы роботам, опирался на очень простой довод; понятие «свобода» в приложении к роботу утрачивает смысл. Свободен может быть только человек.

Он повторял эту формулировку при всяком удобном случае, медленно и резко ударяя рукой по столу в такт своим словам.

Крошка-Мисс попросила разрешения выступить от имени Эндрю. И тут Эндрю впервые услышал ее полное имя.

– Аманда Лора Мартин-Чарни, вы можете обратиться к суду.

Она сказала:

– Благодарю вас, ваша милость. Я не юрист и не сильна в принятой терминологии, а потому прошу вас извинить неточное словоупотребление и принимать во внимание только смысл.

Прежде всего следует установить, что значит быть свободным, когда речь идет об Эндрю. В некотором смысле он уже свободен. Уже лет двадцать в семье Мартинов никто не приказывает ему сделать что-либо, чего он не готов был бы сделать сам. Во всяком случае, так нам казалось.

Однако, если мы пожелаем, то можем приказать ему сделать то, что угодно нам, и отдать этот приказ в самой жесткой форме. Отчего же нам предоставляется такое право, хотя он служил нам так долго, так преданно и заработал для нас столько денег? Он нам ничего не должен. Наоборот.

Однако, если закон запретит нам требовать от Эндрю безоговорочного исполнения приказов, он все равно будет служить нам точно так же в силу собственной потребности. Его освобождение – это всего лишь игра словами, но для него оно значило бы очень много. Оно дало бы ему все, а нам бы не стоило ничего.

На миг могло показаться, что судья прячет улыбку.

– Я понимаю вашу позицию, миссис Чарни. Собственно говоря, данный казус не предусмотрен законом, и у него нет прецедентов. Однако существует общепринятое убеждение, пусть и не облеченное в юридическую форму, что обладание свободой дано только человеку. Я облечен правом вынести решение, которое обретет силу закона, если, конечно, не будет отменено вышестоящей инстанцией, но я не могу просто игнорировать вышеуказанное убеждение. И поэтому обращаюсь прямо к роботу. Эндрю!

– Слушаю, ваша милость.

Эндрю заговорил в первый раз за все время заседания, и судью, казалось, поразил чисто человеческий тембр его голоса.

– Эндрю, – сказал судья, – для чего ты хочешь быть свободным? В каком отношении это для тебя важно?

– Хотели бы вы быть рабом, ваша милость?

– Но ты вовсе не раб. Ты безусловно функционирующий робот, робот-гений, как мне дали понять, способный к художественному неповторимому самовыражению. Что сверх этого мог бы ты сделать, если бы был свободным?

– Наверное, ничего сверх, ваша милость, но то же самое я делал бы с большей радостью. В этом зале утверждалось, что свободным может быть только человек. Но мне кажется, что быть свободным может только тот, кто хочет свободы. И я хочу свободы.

Эти слова определили решение судьи. Ключевая фраза его постановления гласила: «Нельзя отказывать в свободе тому, кто обладает сознанием, развитым в степени достаточной, чтобы воспринимать понятие свободы и желать ее».

Со временем Всемирный суд утвердил это постановление.

8

Сэр остался недоволен. Его суровый голос вызывал у Эндрю ощущение короткого замыкания. Сэр сказал:

– Твои чертовы деньги, Эндрю, мне не нужны. И беру я их только потому, что иначе ты не будешь считать себя свободным. С этой минуты ты можешь выбирать заказы сам и выполнять их, как тебе заблагорассудится. Мой последний и единственный приказ тебе: поступай так, как захочешь. Но я по-прежнему отвечаю за тебя. Это указано в постановлении суда. Надеюсь, ты это понимаешь.

Крошка-Мисс перебила его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.